

УДК 159.9.01

СИТУАЦИИ ЗАПРЕТА В АСПЕКТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Т.Н. Шамшонкова

Тверской государственной университет (г. Тверь)

Запрет – одно из первых общекультурных понятий в истории человечества, которое может трактоваться как организующее начало, поскольку момент структурирования содержит в себе и функцию ограничения. Современному обществу приписываются четыре базовые ситуации запрета (запреты на секс, власть, агрессию и творчество).

Ключевые слова: *запрет, типология ситуаций запрета, массовое сознание, феномен самозапрета.*

В российском социуме сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, в памяти большинства ещё свежи воспоминания о временах, когда запрещалось всё и вся («запрещено все, кроме прямо разрешенного»), с другой – нарастание усталости, раздражения и страха как последствий вседозволенности. Отсутствие определённых ограничений произволу слабо социализированных индивидов, социальных групп, субкультур уже самым очевидным образом угрожает стабильности российского общества [1– 3]. Тема запретов в культуре и культуры запретов самым очевидным образом связана с такими важнейшими проблемами современной России, как устойчивость и безопасность развития общества, свобода и необходимость, свобода и вседозволенность, свобода и самоограничение, демократия и тоталитаризм.

Повторяющиеся моменты человеческой жизни становятся повседневностью, если они неизбежны, обязательны, переживаются и оцениваются как рутинные и тривиальные. Восприятие онтологического аспекта повседневности дополняется аксиологическим во многом и потому, что в ней неизбежно присутствуют ситуации запрета. Запреты, обладающие социальной, национальной, групповой и даже индивидуальной спецификой, пронизывают жизнь общества. В них а) отражается стремление сохранить себя (свой покой, свою группу, субкультуру) и б) реализуется воля индивида или коллективного субъекта к самосохранению.

Запрет может трактоваться как некое упорядочивающее, организующее начало, поскольку момент структурирования, организации имплицитно содержит в себе и функцию ограничения, отсекающего лишнего, ненужного, вредного. Поводы, средства и способы осуществления могут быть самыми различными, но структура актов и ситуаций запрещенных, как правило, универсальна для всех человеческих культур и социумов. По-видимому, «запрет» был одним из первых общекультурных по-

нятий в истории человечества: запрет на кровосмешение; запрет на убийство сородича, близкого; запрет на проявления мужской ревности (разрушающие единство группы); запрет на оставление без помощи (требование поддержания жизни, прокормления) любого из соплеменников; регламентация употребления пищевых продуктов и пр.

Нравственно-социальные запреты конституировали общину и отличались от стадных инстинктов любой степени сложности существенными признаками: а) касались всех членов родовой общины; б) были несводимы к инстинкту самосохранения, диктуя человеку поступки, подчас индивидуально вредные (самоограничение), а иногда даже и самоубийственные (самопожертвование); в) имели характер обязательств, нарушение которых влекло за собой кару, исполняемую общиной как целым. Эти нравственно-социальные требования были хорошо известны уже самым древним сообществам. Современная развитая мораль не отменяет ни одного из древнейших нравственных требований, и система запретов, сохраняя в своей основе эти моменты, постоянно их модифицирует и продуцирует новые.

Актуальность социально-философского исследования ситуаций запрета определяется необходимостью поддержания стабильности общества в меняющемся мире. Исчезновение определенных запретов, считавшихся вечными и незыблемыми, неизбежно порождает неоконсервативную тенденцию. Возникающие коллизии, с одной стороны, свидетельствуют об устранении препятствий общественному и культурному развитию, с другой – об угрозах стабильности и единству общества. Иной аспект актуальности связан с тем, что в основе высокой эффективности запретов в культуре и развития культуры запретов лежат архетипы и мифологическое сознание, сохраняющие свою роль в жизни современного общества.

Еще один аспект актуальности исследования ситуаций запрета в структуре повседневности является следствием постепенного замещения внешних запретов, строгой регламентации всех сторон жизни и деятельности человека системой неочевидных самозапретов, не обладающих жёсткой нормативностью, но отличающихся очень высокой, пусть и непостоянной действенностью.

Логически статус запрета обосновывается тем, что культура трактуется как некое упорядочивающее, организующее начало в жизни человеческого общества. При этом подразумевается, что функция упорядочивания, организации имплицитно содержит в себе и функцию ограничения, отсекающего лишнего, ненужного, вредного. Отсюда следует, что запрет в культуре будет существовать до тех пор, пока культура выполняет свою упорядочивающую и организующую роль. Формы, методы, масштабы, сферы и объекты запрещения модифицируются в зависимости от специфики того или иного этнического, регионального, исторического типа культуры.

Запретить – значит не позволять что-либо делать, признать общественно вредным, ненужным, не допустить к применению. Любой акт запрещения может быть определен как инициальный или реактивный (т. е. запрет планируемого или начатого действия). Подобный концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания.

Современное западное общество особенно возвеличивает свободу, отсутствие ограничений, отрицательно относится к запретам. Однако запреты были всегда, и если в чем-то мы все же свободны, то – лишь благодаря тому, что знаем те правила, по которым можно жить в этом мире. *Современному обществу приписываются всего четыре потенциальные базовые ситуации запрета. Это запреты на секс (право использовать возможности своего пола), на власть (право проявлять сильные, властные инстинкты), на агрессию (право человека на защиту собственных психологических границ) и на творчество.*

Акт запрещения – акт негативной реакции, совмещающий значение запрещения и побуждения, при котором запретитель не разрешает совершать или требует прекратить уже начатое действие. Он оформляется с помощью высказываний, включающих специфические языковые средства, которые позволяют коммуниканту правильно идентифицировать тип речевого акта и верно на него реагировать. Большое значение имеет также невербальная коммуникация: проявления эмоций, взгляд, жесты, позы, параметры межличностного пространства, характер чередования высказываний. С одной стороны, язык тела ярок и бросается в глаза как интенциональная форма коммуникации, с другой – в нем есть скрытые измерения. Вербальный запрет и запрещающий жест взаимосвязаны, поскольку являются продуктом одной и той же целостной ментальной репрезентации. Жест не сопутствует вербальному запрету, не избыточен по отношению к нему. Запретитель использует разные инструменты своего репертуара для решения специфических коммуникативных задач.

Политика запрета часто не решает проблемы, а создает новые. Поэтому в цивилизованном обществе должно быть не так много прокламируемых запретов, но они должны быть эффективными, отвечающими определенным правилам: 1) однозначность запрета; 2) непротиворечивость запрета; 3) ясность запрета; 4) последовательность, твердость и солидарность запретителей; 5) честность и уважение к мотивам поведения других.

Анализ онтологических ситуаций запрета позволяет классифицировать их по самым разным основаниям: 1) по функциональной направленности; 2) по характеру возникновения; 3) по характеру проявления, реализации и воздействия; 4) по масштабу и адресату (по направленности); 6) по длительности действия и др. Любой акт запрещения может быть определен как инициальный или реактивный (т. е. запрет плани-

руемого или начатого действия). Инициальные ситуации запрета часто характеризуется недостаточными или ненадежными основаниями возникновения (когда субъект вынужден принимать решение в условиях неопределенности или риска). По характеру запрет может быть инновационным, корректирующим или постоянным.

Реализация запретов предполагает существование ряда условий, которым должна отвечать ситуация запрета в целом – социальных, правовых, организационных, экономических, технологических и пр. *Социальный аспект* заключается в наличии механизма реализации запретительных решений, учитывающего потребности и интересы людей, мотивы и стимулы их поведения, установки и ценности, опасения и тревоги. *Правовой аспект* предполагает возможность осуществления принятого решения в правовом поле, т. е. при строгом соблюдении законов и установлений. *Организационный аспект* – наличие исполнителей, регламентаций, контроля и координации исполнения запретов. *Экономический аспект* – наличие финансовых, материальных и других ресурсов, обеспечивающих возможность развития ситуации, *технологический* – обеспечение исполнителей необходимыми средствами реализации запрета.

Решающими условиями принятия и выполнения запретов являются: высокая мотивированность инициаторов запрета; наличие возможностей его реализации; потенциальная приемлемость условий запрета для ближайшего окружения инициатора запрета; непротиворечивость одновременно реализуемых запретов. Подобные запреты целесообразно рассматривать как имплицитные и эксплицитные. Под запретом в широком смысле слова понимается элемент любой правовой нормы, поскольку она обеспечена санкцией на случай ее нарушения, т. е. правовой запрет имплицитно выражен в любой норме. Запрет в узком смысле слова означает саму запрещающую норму. В обязывающих, а тем более в управомочивающих нормах запрет отступает на второй план, и его функции сводятся к определению границ правомерного поведения.

В юридической литературе предлагались свои варианты классификации запретов [4]. Так, *по сферам общественной жизни* выделяют запреты социально-экономические, политические, личные; *по содержанию* (по характеру и объему правовой информации) – информативные и элементарные; *по степени определенности* – абсолютные и относительные; *по отраслевому признаку* – запреты в гражданском, уголовном, административном праве и т. д.; *по юридической силе* – запреты, установленные законами и подзаконными нормативными актами; *по субъектам* – адресованные юридическим лицам, гражданам, публично-правовым образованиям; *по времени* – постоянные и временные; *по характеру социальной обстановки* – обычные и исключительные, общие и конкретные запреты (общие запреты детализируются в конкретных нормах) и др.

Ситуация запрета, ставшая осознанной, вызывает к определенному поведению, указывает возможности и границы возможностей. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению (К. Ясперс). Понимание ситуаций запрета есть вариант эмпирического представления об истине:

1. Благодаря нашей прямой вовлеченности в происходящее, мы понимаем самих себя как сущности, воспринимаем объекты, с которыми вступаем в контакт.

2. Существуют определенные измерения ситуации запрета, в терминах которых мы функционируем, осуществляя прямое взаимодействие с другими людьми и непосредственным окружением (культурным и материальным).

3. Понимание ситуации запрета включает набор таких элементов (компонентов опыта, являющихся участниками, частями, этапами происходящего), которые что-то высвечивают, а что-то скрывают и уменьшают.

4. Характер запрета выявляется только во взаимодействии с ним в определенном окружении (запрет может быть внутренне присущ определенным ситуациям, а скорее их интерактивным свойством).

5. Обычно возникает богатая фоновая структура, необходимая для понимания ситуации запрета (большая часть этой фоновой структуры никогда не осознается – «нельзя и всё»), её наличие предполагается в подавляющем большинстве наших повседневных действий и событий.

6. В теории гражданского права под запретами подразумеваются государственно-властные императивные требования воздерживаться от противоправных действий, причиняющие существенный вред интересам субъектов права (это государственно-властное веление, указывающее на юридическую недопустимость определенного поведения под угрозой наступления ответственности). Особый план исследования ситуаций запрета в современном российском обществе связан с отношением человека и власти. Разумны запреты власти или нет, строги или снисходительны, подчиняемся мы им или нет, – мы, как правило, знаем от кого исходит запрет, чего хочет запретитель и каковы последствия выполнения или невыполнения запрета. Однако постепенно в России (как и во всем мире) все в большей степени меняется представление о запретителе: все чаще это уже не конкретный человек или орган власти, а невидимый, отчужденный авторитет (экономическая необходимость, здравый смысл, общественное мнение и пр.). Переход от власти силы к власти права (запрета и дозволения) остается самой насущной потребностью для России.

Говоря о возможных путях развития России, необходимо понимать, что оно определяется как экономическими, так и социокультурными факторами: перед страной стоит задача построения не просто рынка как способа хозяйствования, а рыночного общества с соответ-

вующей системой ценностей [5]. Но национальные традиции и психология коллективизма не могут быть трансформированы в законопослушный индивидуализм, свойственный западному капиталистическому обществу, за короткий срок и, как уже стало очевидно, не самыми рациональными методами [1; 5]. Сегодня российский социум находится в состоянии неопределенности: люди не понимают, что происходит и что им ждать от будущего. Преведняя система жизнеустройства распалась, а новая никак не возникнет.

В обществе должно быть сформировано четкое представление, что вседозволенность не есть максимальная свобода, а, наоборот, она есть страшное и жестокое ограничение свободы личности. Чем больше территория вседозволенности, чем больше личностей делают её принципом своего поведения, чем меньше культура препятствует этому, тем меньше территория свободы, тем больше препятствий на путях самореализации каждой отдельной личности. Поэтому известная формула «свобода каждого кончается там, где начинается нос другого» должна получить статус одного из важнейших культурных императивов. Однако абсолютизация самозапретов так же опасна, как и вседозволенность, поскольку ведет не просто к стагнации, но и к деградации культуры и общества.

Возникнув одновременно с человеческим обществом, запреты представляли собой первые социальные нормы, содержавшие общеобязательные правила поведения, закреплявшие права и обязанности членов общества. Получив свое законодательное закрепление в процессе формирования государственного механизма, они неизменно выступали и продолжают выступать как эффективное средство правового регулирования.

Бесспорно, что политика революционного фундаментализма (нарушения всех запретов, норм, законов) идет вразрез с проектами демократизации современного российского общества. Опыт минувшего столетия – лучшее тому доказательство. В то же время нарушения социальных запретов в современном гражданском обществе – это «нормальный, хотя и внеконституционный вид политического действия». Нарушение запретов является и оборонительной, и наступательной политикой гражданского общества, проектом самоограничивающегося радикализма, попыткой добиться расширения прав и демократизации институтов. Современное российское общество нуждается в политической культуре, достаточно зрелой, чтобы воспринять и благоприятные перспективы, и риски, связанные с правами и обязанностями гражданина в условиях либерализма и демократии.

Список литературы

1. Гришина Н.В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1.

2. Дзыгивский П.И. Запрет как форма социальной идентификации: автореф. ... канд.филос.н.
3. Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и контроль // Социс. 2005. № 8.
4. Комарова Т.Е. Некоторые вопросы теории запретов в гражданском праве // Законодательство. 2007. № 12 [url:http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid](http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid)
5. Колгарев И. Запреты [Электронный ресурс]. [url:http://rus-baptist.narod.ru/zaprety.htm](http://rus-baptist.narod.ru/zaprety.htm).

THE TABOO SITUATION IN THE EVERYDAY LIFE PERSPECTIVE

T.N. Shamshonkova

Tver State University (Tver)

Taboo is one of the first common cultural concepts in the history of mankind that can be interpreted as the organizing basis due to the fact that any structural moment contains in itself a restrictive function. Contemporary society may be described on the platform of four basic restrictive situations: sex, power, aggression, and creativity taboos.

Key words: *taboo, typology of taboo situations, mass consciousness, the phenomenon of self-taboo.*

Об авторе:

ШАМШОНКОВА Татьяна Николаевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета. E-mail: tnsh@mail.ru